

УДК 811.16'362: 808.5

**СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕЧЕВОГО АКТА КЛЯТВЫ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ
(на материале русского, сербского и болгарского языков)**

© 2011 г.

А.Ю. Маслова

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарёва, Саранск

al_mas@mail.ru

Поступила в редакцию 04.04.2011

Представлен семантико-прагматический анализ речевого акта клятвы и языковых средств его выражения в сопоставительном аспекте на материале русского, сербского и болгарского языков.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, клятва, прагматический анализ, сопоставительный аспект.

В центре внимания исследований, связанных с рассмотрением языка в аспекте взаимодействия его носителей и принадлежащих к области коммуникативно-целевой [1] межкультурной и межъязыковой прагматики [2], стоят речевые акты (РА). При сопоставительном анализе языков на прагматическом уровне более отчетливо проявляется языковая и культурная специфика построения РА, которая может выражаться в использовании соответствующих маркеров дискурса, например фатических, в синтаксическом и морфологическом построении РА, в допустимости пейоративных выражений, в форме обращения к собеседнику и др. В связи с этим в ходе подобных исследований предполагается учет и культурного релятивизма, и когнитивных аспектов языка, и этнопсихологии [3; 4].

Одним из показательных в плане сопоставительного семантико-прагматического анализа РА является клятва. Рассмотрим указанный РА на материале славянских (русского, сербского и болгарского) языков с целью выявить специфику его функционирования в родственных и близкородственных языках.

Клятва – это конвенциональный РА. Конвенциональные установления (правила, законы, принципы, нормы и т.п.), или социумная presupпозиция данного РА включает следующие моменты: между участниками РА должна присутствовать хотя бы некоторая степень знакомства; давая слово, говорящий берет на себя определенные обязательства перед адресатом по выполнению предполагаемого действия, тем самым накладывая на себя определенную меру ответственности; говорящий, в случае невыпол-

нения обещания, может лишиться доверия, которым он пользуется у адресата, и не только у него, но и у окружающих [5]. Перечисленные смыслы относятся к тем общим знаниям, входящим в когнитивную базу говорящих, без которых невозможно успешное осуществление коммуникативного акта с компонентом клятвы.

При обозначении РА клятвы в рассматриваемых языках – *клятва* (русс.) / *заклетва* (серб.) / *клетва* (болг.) – семантический объем болгарской номинации *клетва* больше: в болгарском языке *клетва* обозначает одновременно *клятву* / *заклетву* и *проклятие* / *клетву*, *проклетисване*. Подобную ситуацию отчасти отражает и русский язык, в котором лексема *клятва* имеет устаревшее значение проклятия.

Клятвы нередко трактуются в качестве разновидности или уверения, или обещания, поскольку расцениваются как торжественные уверения в чем-либо, торжественные обещания, подкрепленные упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает. Часто клянутся чем-либо, призывая высшие силы в свидетели искренности или показывая готовность жертвовать самым дорогим.

Клятва, являясь в высшей степени экспрессивным РА, объединяет в себе прагматические компоненты и обещания, и обязательства. Однако есть основания считать этот РА также самостоятельным, который, в то же время, может интегрироваться с другими РА, сообщая им свой специфический оттенок, например клятвенное обещание.

С одной стороны, это неоспоримая гарантия того, что адресант выполнит взятые на себя обязательства во что бы то ни стало, в против-

ном случае он готов предстать пред высшей силой и понести невосполнимые потери. При этом говорящий желает, чтобы об этом знали его партнеры по коммуникации, поэтому нередко РА содержит перформативный компонент. Его использование эксплицирует иллюкутивную цель, что способствует более эффективному воздействию на адресата.

Но в воскресенье папа не смог идти. К нему пришли товарищи <...> и сидели допоздна, и после них у мамы разболелась голова, а папа сказал мне: – В следующее воскресенье... Даю клятву Верности и Чести (Драгунский).

– Божице, **кунем ти се** у све живо. Ову слику можеш тражити, али нећеш је наћи (разг.)

– Ние, двамата верни пријатели **се заклеваме** да бџдем другари цял живот <...> (Гулев). – **Кълна се**, че ще бџда верен на делото до смърт (Гулев).

Обратим внимание, что при назывании интенции в сопоставляемых языках имеется различие. Южнославянские сербский и болгарский языки располагают двумя перформативными глаголами в отличие от русского языка: *клянусь* (русск.) / *кунем се*, *заклињам се* (сербск.) / *кълна се*, *заклевам се* (болг.). В сербском языке, в отличие как от русского, так и от более близкого болгарского языка, глагол *кунем се* совмещает значения ‘клясться’ и ‘проклинать друг друга’.

С другой стороны, клятвы нередко употребляются в качестве экспрессивного обещания:

– *Прошу только больше не доставлять в ресторацию алкогольные и другие жидкие жидкости.* – **Клянусь!** – сказал Сергей, приложив кулак к плечу, копируя жест древних римлян (Экслер).

– *’Оћу Павле, здравља ми, од тога ништа прече немам, чуваћу их као очи* (Ћосић).

– *Няма да се деља от вас! Честна дума!* (Гулев).

Такая клятва-обещание может быть обусловлена обстоятельствами, «когда адресат упорно не верит говорящему или когда совершение действия заведомо трудно или особенно важно для адресата» [6, с. 178].

– *Не пишите больше!* – попросил пришедший умоляюще. – **Обещаю и клянусь!** – торжественно произнес Иван (Булгаков).

– *Нећу више да тијем до ослобођења... – До ослобођења – понови Јован сумњичаво.* – *До ослобођења. Кунем ти се...* (Ковачевић).

– *Оздравявай, Зимарх! Кълна се в Збелсурд, макар и единорък, ти ще бџдеш моята лява ръка <...>* (Гулев).

Чтобы окончательно уверить адресата клятвы в своих словах, адресант может прибегнуть к

божбе. Божба – это клятва именем Бога обычно в подтверждение своих слов:

– *Нету у меня! Нету, богом клянусь, никогда в руках не держал!* – отчаянно вскричал предводитель (Булгаков).

– *Кунем ти се Богом, шта год да се деси, ја остајем с тобом!!! СРБИЈА!* (разг.)

– *Само немој да мислиш да ја имам што против ње! Не, бога ми! Бог је велика заклетва!* (Лазаревић).

– *Не зная чий баца е той, но кълна се в бога, децата му скоро ще останат сирачета* (Петров).

В русском языке *божиться* также означает говорить *ей-богу* в подтверждение правильности своих слов [7, т. 1, с. 103], в сербском языке ему соответствуют междометия *богами*, *богме*; в болгарском – *ей богу*, *бога ми*:

– *Да ей-богу же я ее не убивал!* (Гарин-Михайловский).

– *Богами, свашта би било да их не тукосмо (Ћосић); – Грмело је, богме, пола сата, прописано <...>* (Ћосић).

– *Ей богу, не мога да те разбера – скочи Евгени от стола...*

Однако следует отметить, что во всех сопоставляемых языках божба (в значении ‘клятвенно уверять’), не обязательно предполагает обращение к имени Бога. Клянутся именем святых, святыми вещами, родственниками, тем, что дорого говорящему или имеет для него большое значение. Адресант имплицитно дает адресату понять, что утрата того, чем он клянется, будет невосполнимой, поэтому не в интересах адресанта нарушать клятву. Клятва является экспрессивной гарантией искренности говорящего:

– *Больше не произнесу ни слова секунд двадцать, клянусь всеми местными святыми* (Экслер).

– *Как же в одиннадцать, когда я сама его видала в восемь, вот те крест!* (Устинова).

– *Друже Марко, среће ми, здравља ми, чиста печурковача!* (Ковачевић).

– *Немци су га узели, Црни. Мајке ми – клео се Томислав* (Ковачевић).

– *Господине Марко, реците господину Црном да ми верује... Кунем вам се у децу...* (Ковачевић).

Кълна се **във всичко свято** (разг.).

Кълна се **в дъщеря си**, че не съм вземала пари (разг.).

Урок по геометрия: – *Иванчо, нарисуй на дџската ромб. Иванчо рисува.* – *Сега докажи, че това е ромб.* – Кълна се в **майка си и баща си** че е ромб! (разг.).

Регулярно воспроизводятся ситуации прошенной клятвы: адресат запроса реагирует, подтверждая свою готовность действовать тем или иным образом:

– Я должен тебе открыть одну страшную тайну. Но **покланись**, что ты никогда, никому, ни под каким видом и ни под какими пытками ее не выдашь. – **Клянусь всем святым, что у меня есть**, – поклялся Сергей (Экслер).

– **Закуни се да више никога нећеш да бијеш. – Јаој, нећу! – рече пани.** – **Кунем се светим Исусом** (Терзић).

– **Закљни се, че никога никому дума няма да кажеш!** – О! Ох! Никога. **Кљна се** (Петров).

– **Закљни се, че това което казваш е истина.** – **Кљна се, господарю, истина е. Вие вече не сте наследникът. Цялата столица говори само затова** (Грозданов).

То, что клятва испрашивается, подтверждает сильное иллюкутивное воздействие, которое, с одной стороны, гарантирует определенную линию поведения адресанта запроса, а с другой стороны, соответственно выстраивает поведение адресата.

Реализация РА клятвы, как и любого другого, вызывает употребление целой системы языковых и речевых средств, объединенных функционально и семантически. С точки зрения языкового выражения, сопоставляемые языки проявляют и сходства, и различия. Сходным и типичным для реализации является употребление эксплицитного перформатива – глагола *клясться* в форме 1-го л. ед. ч. наст. времени изъяв. наклонения. При божбе различия проявляются на уровне падежного управления глагола *клясться*. Если в русском языке глагол управляет творительным падежом: *клясться чем*, то в сербском языке реализуется возможность управления и творительным, и винительным падежом: *кунити се чиме* и *кунити се у кога / шта*:

– **Монах се стаде клети, говорехи:** – **Кунем се Богом који живи** (Поповић). – **Монах стал клясться, говоря: Клянусь Богом, который жив...** (Попович);

– **Закуни ми се у децу.** – **Жива ми деца** (Ћосић). – **Покланись детьми.** – **Клянусь детьми** (Чосич).

В болгарском языке при глаголе *кљна се* реализуется конструкция с предлогом *в*, передающая отношения, тождественные предложно-падежной конструкции с винительным падежом в сербском языке, т. е. южнославянские языки при грамматическом оформлении божбы проявляют частичное сходство:

– **Кљна се в дявола и в бога.** **Да сторя аз за теб каквото мога** (Маричков).

– **Сдавайте валюту.** <...> – **Богом клянусь, что...** Но не успел он выговорить эти слова, как весь зал разразился криками негодования (Булгаков). – **Предайте си валутата.** <...> – **Кљна се в бога...** Не успя да изрече тези думи и залата избухна в негодуващи викове. Никанор Иванович се смути и мљкна (Булгаков).

В сербском языке, в отличие от русского и болгарского, широко употребительным является грамматическое оформление божбы синтаксически независимой фразеологизированной генетивной конструкцией: существительное в родительном падеже + местоименная энклитика *ми*: *части ми, мајке ми, сунца ми* и др.

– **Ено их, вјере ми, иду некакви! Пази, пази, кроз овај брезик!** (Ћопић).

– **Ајде, не лажи!** – **Јест, сунца ми!** – **узе да се куне Јовица** (Ћопић).

– **Ето среће, да је тако!** – **уздахну Јовандека** (Ћопић).

1. Обратим внимание, что такие же выражения, но с экспликацией 2-го лица: *бога ти, вере ти, деца ти, живота ти, леба ти, мајке ти, очију ти, среће ти* и т.п. выступают показателями других РА директивного типа – мольбы и заклинания. Исследователь Б. Милосавлевич относит их к экспрессивным эквивалентам перформатива *молим те*, которые функционируют на периферии семантического поля перформативности этого иллюкутивного глагола: *Дај ми једно оловче, живота ти; Владо, леба ти, јави ми ка ће плата* [8, с. 163].

Междометие *богами*, которое имеет и редуцированный вариант: – **Бо'ме ти га мајци не привлачио** (Ћопић) – образовалось посредством слияния и транспозиции вышерассмотренных конструкций:

– **Не бој се – испросићемо ми теби девојку... баш ако ћеш и Аноку!** – **Хоћу ја, бога ми!** (Лазаревичћ).

Представляют интерес клятвы, оформленные, условно говоря, как самопроклятия. Часто они представляют собой оптативные конструкции, имеющие разнообразное грамматическое выражение. В русском языке типичны конструкции: *частица чтоб + местоимение 1-го л. + прошедшее время глагола*; *частица чтоб + местоимение 1-го л. + инфинитив глагола* (компонент *чтоб мне* может быть редуцирован); *частица пусть + местоимение 1-го л. + будущее время глагола*, которым в сопоставляемых южнославянских языках соответствуют конструкции, адекватные конструкциям с рус-

ской частицей *пусть* в оптативном значении. Сравним:

Александр Семенович расхохотался и положил руку на сердце: – К двум! – и поклялся: – Чтоб мне провалиться на этом месте! К двум мы будем здесь. Как штык! (Драгунский).

– Давайте ваш велосипед, я на нем съезжу. И сейчас вернусь. Век свободы не видать!.. – И он провел ладонью поперек горла (Драгунский).

Как правило, все эти конструкции фразеологизированы и легко опознаются адресатом в качестве клятвы.

В сопоставляемых языках также представлены соответствующие конструкции устойчивого типа. Например, в сербском языке:

– Ево, дабогда црко, ако лажем (Ковачевић) – модальное слово *дабогда* + аорист глагола: букв. *дай бог / пусть бог даст сдохнуть*. Русский аналог – *чтоб мне сдохнуть / чтоб я сдох*.

В земята да потъна: букв. *пусть я провалюсь – провалиться / чтоб мне провалиться / пусть я провалюсь на этом месте*.

Исходя из семантико-прагматической характеристики иллокутивной цели комиссивных РА (к которым принадлежит и клятва), отметим, что особенностью их языкового выражения является использование, как правило, не императивных высказываний (что соответствует прямому директиву), а индикативных. Описание будущего действия адресанта или адресата (если клятва является запрашиваемой) формально выражается формами будущего времени в русском и болгарском языках: в сербском языке – будущего I времени.

Данный фрагмент сопоставительного прагматически ориентированного описания интенции клятвы с позиций средств ее номинации, прагматических особенностей, возможных способов реализации в реальной речевой деятельности позволяет составить наиболее целостное представление о специфике функционирования

РА в родственных славянских языках в процессе коммуникации. При этом следует отметить, что прагматический подход к исследованию предполагает включение и лингвокультурологического аспекта. Хранение речевых формул клятв в сознании народа во многом обусловлено верой в магическую силу слова. По мнению М. Арнаудова, клятвы раскрывают новые стороны частной народной жизни, его понятия о мировом порядке, о судьбе, его упования на некий высокий промысел [9]. Это определяет перспективу сопоставительного изучения РА клятвы, поскольку клятвы – часть истории человеческой культуры.

Список литературы

1. Шелякин М.А. Очерки по прагматике русского языка. М.: Рус. яз.-Медиа: Дрофа, 2010. 285 с.
2. Trosborg A. Interlanguage pragmatics. Request, complains and apologies. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1995.
3. Werzbicka A.A. Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culturespeech configurations. New York: Oxford University Press, 1992. 488 p.
4. Уфимцева Н.В. Этническая и культурные стереотипы: кросс-культурное исследование. Изв. РАН. Серия литературы и языка. 1995. Т. 54, № 3. С. 55–62.
5. Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты [Электронный ресурс] // <http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/11/image/11-016.pdf> (дата обращения 12.04.2011)
6. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и виды глаголов // Логический анализ языка: модели действия / РАН, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.Д. Артюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1992. С. 123–130.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 686 с.
8. Милосављевић, Б. Исказивање молбе у неформалној комуникацији // Славистика. Београд, 2006. Књ. X. С. 161–168.
9. Арнаудов М. Очерци по българския фолклор. София: Български писател, 1968. Т. 1. 683 с.

SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE SPEECH ACT OF OATH IN THE CONTRASTIVE PERSPECTIVE (based on the Russian, Serbian and Bulgarian languages)

A.Y. Maslova

The paper presents a semantic and pragmatic analysis of the speech act of oath and the linguistic means for its expression in the contrastive perspective using the material of the Russian, Serbian and Bulgarian languages.

Keywords: pragmatics, speech act, oath, pragmatic analysis, contrastive perspective.